

русаў ён выводзіў ад крывічоў. Праз лаканічны экскурс у мінулае славянства Шпілеўскі адзначыў, што крывічы былі самым шматлікім і моцным славянскім племенем, разам з ільменскімі славянамі яны запрасілі на славянскія землі правадыра (Рурыка – В.Б.), першымі выказалі думку пра неабходнасць існавання адзінай дзяржавы і пра саюз усіх славянскіх плямён. Крывічы “вялі жыццё мірнае, дамаседнае і таму ва ўсёй чысціні і цэласнасці захавалі свой першапачатковы славянскі быт, сваю веру і нарэшце сваю кроўную мову” [1, с. 99]. Беларусы ў паказе Шпілеўскага – язычнікі ў далёкім мінулым. Да язычніцтва пісьменнік ставіўся як да заканамернай фазы ў этнакультурным развіцці сваіх землякоў. На думку П. Шпілеўскага, сапраўдная вера беларусаў – хрысціянства ў яго праваслаўным варыянце. Да каталіцызму пісьменнік ставіўся дастаткова дыпламатычна, пратэстантызм не прымаў і асуджаў тых магнатаў, што сталі фундатарамі пратэстантызму на беларускіх землях.

Народазнаўчы матэрыял у “Падарожжы па Палессі і Беларускам краі” Шпілеўскага выступае ў адзінстве эстэтычнага, камунікатыўнага і пазнавальнага бакоў. Пісьменнік падкрэсліваў самабытнасць і шматфарбнасць праяў культуры беларусаў, праз дэталізаваныя экскурсы ў мінулае і побытавыя малюнкi сцвярджаў моцную “ўкаранёнасць” беларусаў у сусветнай гісторыі.

ЛІТАРАТУРА

1. Шпилевский, П.М. Путешествие по Полесью и Белорусскому краю / П.М. Шпилевский. – Минск: Полымя, 1992. – 251 с.

МЕТАФОРИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ КОНЦЕПТА «ЕДА» КАК СПОСОБ РЕАЛИЗАЦИИ МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ПИСАТЕЛЯ

О.В. Бельская
Витебск, ВГУ

В лингвистических и литературных исследованиях часто отмечается значимость универсальных общечеловеческих факторов для формирования понятийных систем: единство материального мира, фундаментальных условий жизни, общее магистральное направление деятельности людей, общность механизмов восприятия человеком окружающей действительности.

Национально-культурная коннотация является важным аспектом при анализе концепта. Ее содержание представляет собой соотнесение языковых значений с тем или иным культурным кодом, которым владеют представители определенной лингвокультурной общности. Владение культурным кодом – ключ к адекватной интерпретации культурно значимой информации, заключенной в концепте.

Процесс приема пищи является одной из основных форм бытовой жизни человека, которая всегда получала свою реализацию в художественных текстах. В культурной коммуникации традиция, будучи общей для автора и читателя, создает возможность понимания смысла произведения литературы читателем, и она же обеспечивает последнего набором кодов-критериев, которыми он может воспользоваться, чтобы из множества текстов выделить корпус произведений художественной литературы. В качестве такого кода и может быть назван концепт.

В художественном тексте происходит переосмысление признаков объекта. Как вторичная моделирующая система, он создает эстетический образ обычного

бытового предмета. По мнению А. Чудакова в книге «Слово-вещь-мир: от Пушкина до Толстого»: «Если мыслительный эмпирический предмет, поселенный в произведение, остался самим собою, это не творение истинного искусства. В творении высокого искусства реальный предмет погибает, чтобы дать жить предмету художественному, лишь обманчиво похожему на прототип, но иному по своей сути, по новым многообразным качествам. Если пшеничное зерно, падши на землю, не умрет, то останется зерном, а если умрет, то принесет много плода. Эмпирический предмет – лишь почва и пища. Усваивая его себе, рождающийся художественный предмет пронизывает его корнями своих интенций, делает его своим, и вот уже в его капиллярах течет сок другого – художественного – организма» [1, с.26-27]. Каждая гастрономическая мелочь несет на себе закрепленную смысловую нагрузку, совокупность же всех проявлений кулинарного репертуара образует завершённую систему, все элементы которой находятся в обоснованной взаимосвязи, взаимозависимости. Писатель, моделируя эту систему, отражает в ней свое миропонимание.

Рассмотрим особенности кулинарного этикета, то есть самого процесса поедания блюд, на примере циклов произведений, созданных Н.В. Гоголем – величайшим мастером художественной детали, одной из граней которой выступает концепт «еда». Писателю удается перенести нас в атмосферу, царящую за столом, устранить границу между реальностью и фантазией, миром, в котором находится читатель, и миром героев повестей. Николай Васильевич не отступает от принципа придать образу многогранность, возвести его в трехмерное пространство – запаха, вкуса и слуховых ощущений, сопровождающих церемонию трапезы: «Благовонный пар от варившихся галушек разносился по утихавшим улицам» («Сорочинская ярмарка») [2, с.19], «запах горячих сластен понесся по всему табору» («Пропавшая грамота») [2, с.98], «как не поесть жирных со сметаною вареников» («Ночь перед Рождеством») [2, с.98]; «и слышно даже, как чья-то морда жует и щелкает зубами на весь стол» («Пропавшая грамота») [2, с.81], «стук ножей, ложек и тарелок заменил на время разговор; но громче всего слышалось высмактывание Григорием Григорьевичем мозгу из бараньей кости» («Иван Федорович Шпонька и его тетушка») [2, с.176]; «Между тем запах борща понесся через комнату и пощекотал приятно ноздри проголодавшимся гостям» («Повесть о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем») [2, с.229]; «Мадера, точно, даже горела во рту <...> В непродолжительном времени была принесена на стол рябиновка, имевшая, по словам, Ноздрева, совершенный вкус сливок» [2, с.70]; «завлекательный запах чего-то горячего в масле» («Мертвые души») [2, с.51].

Для полноты создаваемого эффекта, а также для более тонкого понимания внутренней сущности героев, Гоголь заостряет внимание читателя не только на том, что едят герои, но и на том, как осуществляется этот процесс. Часто писатель не ограничивается несколькими фразами для описания способа потребления блюд, а превращает самый незамысловатый в торжественный ритуал: «Вот каждый, взявши по дыне, обчистил ее чистенько ножичком <...> обчистивши хорошенько, проткнул каждый пальцем дырочку, выпил из нее кисель, стал резать по кусочкам и класть в рот» («Заколдованное место») [2, с.186]; «Иван Иванович подошел к водке, потер руки, рассмотрел хорошенько рюмку, налил, поднес к свету, вылил разом из рюмки всю водку в рот, но, не проглатывая, пополоскал ею хорошенько во рту, после чего уже проглотил; и, закусивши хлебом соленым опёнками, оборотился к Ивану Федоровичу» («Иван Федорович Шпонька и его тетушка») [2, с.175]. Цирюльник Иван Яковлевич из повести «Нос» устраивает длинную церемонию лишь для того, чтобы съесть свежее испеченный хлеб: «Иван Яковле-

вич для приличия надел сверх рубашки фрак и, усевшись перед столом, насыпал соль, приготовил две головки луку, взял в руки нож и, сделавши значительную мину, принялся резать хлеб» («Нос») [2, с.40]. Таким образом, возрождается значимость хлеба, трепетное отношение к хлебу, который уподобляется поистине королевскому кушанью.

В поэме «Мертвые души» Гоголь также придерживается заданных установок детального изображения трапезы: «Чичиков свернул три блина вместе и, обмакнувши их в растопленное масло, отправил в рот, а губы и руки вытер салфеткой». Манипуляции с блинами Чичиков совершает три раза – символическое число.

Аккуратность в изображении кулинарного этикета в «Вечерах» иногда переступает его возможности границ, преподносится в гиперболизированном варианте, создавая тем самым иллюзию ирреального, фантастического мира. Такая особенность «Вечеров» объясняется романтической направленностью повестей цикла, в котором движением сюжета управляют карнавалы законы, сказочный вымысел и действительность гармонично сосуществуют. В этом отношении на общем фоне повестей выделяется «Ночь перед Рождеством». Первоначально сцена наблюдения за Пацюком вызывает лишь некоторое удивление как у кузнеца Вакулы, так и у читателей, тем не менее она еще не уводит нас от реальности: «Не подвинувшись ни одним пальцем, он наклонил слегка голову к миске и хлебал жижу, схватывая по временам зубами галушки» [2, с.108], в то время как это блюдо положено есть ложкой. Но с развитием действия первое недоумение Вакулы сменяется мистическим любопытством: «Посмотрим, как будет есть Пацюк вареники. Наклоняться он, верно, не захочет, чтобы хлебать, как галушки, да и нельзя: [2, с. 109-110]. Здесь-то недостижимый потусторонний мир находит совершенно естественное воплощение в реальной жизни: «вареник выплеснул из миски, шлепнул в сметану, перевернулся на другую сторону, подскочил вверх и как раз попал ему в рот» [2, с.110].

Еще одну таинственную историю, связанную с галушками, находим в повести «Майская ночь, или Утопленница». Рассказ винокура строится по той же модели, что и впечатления кузнеца Вакулы: на первый взгляд он предстает весьма обиденным. Семья после трудового дня собралась за ужином. В сцене «вечери» находим следующее описание кулинарного этикета: «Тёща отсыпала немного галушек из большого казана в миску, чтобы не так были горячи <...> Вздевши на длинные деревянные спички галушки, начали есть» [2, с.62]. Чудеса начинают происходить с появлением гостя, который «упрятывает галушки, как корова сено» [2, с.62]. В сердцах сказанная тёщей фраза «А чтоб ты подавился этими галушками» [2, с.62] снова приоткрывает завесу потустороннего мира: «Чуть только ночь, мертвец и тащится. Сядет верхом на трубу <...> и галушки держит в зубах» [2, с.62].

В повести «Пропавшая грамота» воздух снова насыщен фантастическими ионами: «сидит сама, в золотой короне, в серой новёхонькой свитке, в красных сапогах, и золотые галушки ест» [2, с.83].

Удивительное совпадение: все эти таинственные представления по какой-то причине связаны только с двумя блюдами: галушками и варениками. Конечно, можно предположить, что они являются своего рода «индикаторами» украинской кухни. Почему же тогда не знаменитый борщ, сало, дыни, пироги? Ответить на этот вопрос нам поможет история формирования украинского кулинарного искусства. Дело в том, что многие приемы приготовления пищи, а также сами блюда были заимствованы у других народов. Так, пресловутые галушки и вареники, которые сегодня считаются исконным блюдом Украины, пришли на её территорию вместе с турецкими завоевателями. Подтверждение этому находим в книге

В.В. Похлёбкина «Национальные кухни наших народов»: «Пельменеобразное блюдо турецкой кухни дюш-вара превратилось сначала в вара-ники, а затем уже в украинские вареники с характерными национальными наполнителями – вишней, творогом, салом» [3, с 142]. Православная же Украина всегда смотрела на турецких кочевников – язычников как на «басурман», связанных с тёмными силами. Вероятно, этим и объясняется связь частого возникновения галушек и вареников в мистических сюжетах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чудаков А. Слово – вещь – мир: От Пушкина до Толстого / А.Чудаков. – М., 1992.
2. Гоголь Н.В. Собрание сочинений в 7-ми томах. Том 7 / Н.В. Гоголь. – М., 1978.
3. Похлебкин В.В. Национальные кухни наших народов / В.В. Похлебкин. – М., 2001.

НАЗВАНИЯ ПРАВОСЛАВНЫХ КУЛЬТОВЫХ СООРУЖЕНИЙ БЕЛАРУСИ, МОТИВИРОВАННЫЕ ИКОНИМАМИ

О.А. Борисевич

Витебск, ВГУ

Традиционным выражением православности на Руси является иконопочитание. В жизни верующего икона всегда занимала исключительно важное место, результатом чего стало строительство культовых зданий, освящённых в честь икон.

Почитание чудотворных икон связано с их ролью в истории государства. Как свидетельствуют летописные источники, ни одно военное событие не происходило без участия икон. Многие знаменитые древнерусские святые брали с собой в военные походы, перед сражениями служили перед ними молебны, победы приписывали их заступничеству и покровительству. То есть икона являлась помощником и защитником в борьбе с внешними и внутренними врагами. Кроме того, огромное значение в почитании икон имел тот факт, что они обладают «чудотворной» функцией – функцией исцеления от различных болезней и недугов.

Вот почему 4% всех современных белорусских православных экклезионимов содержат названия икон.

Икона – это изображение Иисуса Христа, Богородицы, какого-либо святого, евангельского или церковно-исторического события. В основу экклезионимов легли названия богородичных икон и одно наименование иконы Спасителя.

Необходимо различать тип иконы (стиль изображения) и её название. И то, и другое могло лечь в основу номинации культового сооружения.

Традиционно выделяются следующие основные изображения Богородицы: 1) Оранта (с греч. «молящаяся»): Богоматерь с Богомладенцем на руках, который в одной руке держит свёрнутый свиток, а другой благословляет; 2) Одигитрия (с греч. «путеводительница»): Богородица изображена с Младенцем, сидящим на её руке и благословляющим. По месту нахождения или явления иконы получили названия Смоленская, Тихвинская, Иверская, Казанская и др.; 3) Елеуса (с греч. «милующая», на русской почве «умиление»): богородица с Младенцем, которая, склонив голову, очень умиленно, с глубоким чувством смотрит на него.

На исследуемой нами территории экклезионимы, мотивированные именованиями стиля изображения Богородицы, немногочисленны: *храм в честь иконы*